

The background is a dark, textured space filled with numerous small, glowing particles that appear to be falling or drifting. In the center-right, a single, glowing yellow umbrella is visible, providing a focal point of light. The overall mood is mysterious and ethereal.

Полина Дроздова
ad infinitum

Полина Дроздова

Ad infinitum

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Дроздова П. В.

Ad infinitum / П. В. Дроздова — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Рывками по жизням, искомыми смыслами, они напоролись друг на друга, как напарываются на ножи.

Чанель вручает Бэкхену фотоаппарат с видимой небрежностью, а сам садится на скамейку у стены и ставит молодежный знак «V» у лица, уже надевшего искусственную улыбку.

– Потом побросаем эти фотки в почтовые ящики моим друзьям, у которых я во всех черных списках, – говорит парень, пока Бэкхен настраивает объектив, чуть нагнувшись.

Его правый глаз видит картинку карикатурную, какой быть не должно, которая неестественна: точно всё декорации. Чанель дожидается трех затворов, после чего стягивает маску радости и отворачивается в сторону. Бэкхен садится рядом, не взглянув на результат.

– Что, правда побросаем? – спрашивает он у Чанеля, насколько возможно заглядывая в его глаза.

Брюнет тянет на себя сбоку одинокий воздушный шарик платинового цвета, немного вертит в ладонях, а затем протыкает каким-то невидимым Бэку способом; раздается характерный хлопок, на полу – серая резинка.

– Вот так в один момент происходит и в жизни, – вместо ответа говорит Чанель, спуская руки с голых колен, – воздух в данном случае – все те, кого ты любил.

Взгляд загнанных глаз бежит мимо нужного угла и рассеивается в пространстве комнаты, слишком маленькой, чтобы вместить их совместное «но».

У Бэкхена последний зачет по предмету, о котором он знает лишь номер аудитории, а через пару часов обещанный с отчимом ужин.

Чанелин день был по плану разбит на несколько проигрышей, включая соревнование по футболу и соло-выступление в баре, гонорар за которое уже взят.

Солнце давно село, легло и умерло.

А в эту мужскую раздевалку скоро должен прийти охранник, чтобы запереть дверь, забрав оставленное шмотье.

Но.

Почему-то они оба в такой день сидят здесь, фотографируя друг друга лица на дальнюю мерку, добытую путем махинаций, уловок и удачи.

Сотни снимков на миллиметры кожи, на движение ресниц, на трансформацию улыбок.

– Тебя она любит больше, – жалуется Бэк, бережно протирая пальцем экран устройства.

– А я люблю тебя, – Чанель наматывает на ладонь шелковую ленту, снятую с дерева памяти в его районе, – какой банальный любовный треугольник.

В этот день родился Мендельсон, умер Борель, это японский Сецебун и праздник морковного торта.

А по какому из поводов лежал здесь одинокий шарик – неизвестно

Впервые они встретились в арт-пространстве под наклонной крышей очень высокого этажа, в котором стены – те же окна, не радующие видом за собой.

Шла лекция о двух настоящих трудягах, Якобе и Вельгельме, братьях, близостью не слабее Ван Гогов, заслугами не беднее Люмьеров. Пока искусствовед говорил о германистике, стараясь осилить шептание всей группы, Чанель искал, видимо, диктофон в кармане своего кашемирового пальто.

Не поэтому заметивший его Бэкхен подошел, миновав половину толпы, и вручил свой телефон, где за вкладкой звукозаписи скрывалась телефонная книга с заполненной строкой «имя»: «незнакомец знакомых чувств».

Ему не задают вопросов, оказавшихся бы лишними, «спасибо» тоже не требовалось; юноша только встал рядом, вслушиваясь в историю создания «Умной Эльзы».

По истечению некоторого времени Чанель отдает Бэкхену мобильный с записью половины, своим номером, истинным именем и диском-сборником лучших экранизаций гриммских сказок.

Никогда бы не предположил Бэкхен, что в такой одежде кто-нибудь легко бы сел на бетонную лестницу посреди января. Брюнет держит красные кулаки вместе, но не дышит на них – смотрит вдаль.

– Независимость часто синонимична счастью, – говорит он Бэкхену после того, как тот случай перелил во встречу, задержавшись рядом, а не сойдя со ступеней. – Это я о том, что мы оба сейчас должны быть в других местах.

– Но... – глубокозначимо произносит Бэкхен.

– Но, – соглашается тем же тоном Чанель, – это и есть независимость. Возможность действовать в комфорт себе.

– Откуда ты знаешь, что я пришел по желанию, а не вынужденно?

Чанель взглянул на Бэкхена снизу вверх внушительно и смехотворно.

– Ты себя видел? – он слабо потянул за край шерстяного шарфа, свисавшего над льняной рубашкой и бардовыми лаферами, – ты же наверняка «Одиссею» наизусть знаешь, а перед сном Бетховена слушаешь.

– Что мне сделать, чтобы с первого взгляда люди стали сомневаться во мне? – поинтересовался Бэкхен, решив позже сообщить, что Бах в гробу обиженно отвернулся к другой стенке.

Брюнет погладил пальцами холодный воздух и с легкой усмешкой сказал:

– Превратись из градуса в радиан – бесконечность поделит на полярность.

В его темных, кудрявых волосах заведомо пряталась исчезнувшая ночь – Бэкхен увидел это сначала. Потом он узнал, что и светило прячется в Чанеле, прыгая после заката искрами в его глаза.

– Боюсь даже спросить, как мне найти остановку, – улыбнулся парень тогда, прекрасно знающий направление, – я приехал на такси с пустыми карманами.

– Уж точно не рассчитывая на знаки, поставленные на тротуарах, – ответил ему Чанель с серьезным видом, раскрывая ладонь, – доверяй только мне. Пойдем, я покажу.

Их дорога заняла ровно три повтора песни Джей-Джея Йохансана. Бэкхен уже тогда понял, что это последствия превосходного мастерства Эроса.

В то время как Чанель теряет всех друзей, как они рассыпаются, точно бисер из ослабевшей руки, Бэкхен избавляется от своих врагов – бессонницы, нервозности, скачков давления и боли в коленках.

После того, как мысли стали однородны, приобрели человеческий силуэт, в голову проникли самые долгие колыбельные, услышанные из чужих наушников, а телефон изредка стал светиться с приятным именем – после этого парень перестал круглосуточно бегать на свидания с ночью, назначенные на 2 часа.

Над ним сжалилось сознание или здоровье, но стало спокойней. Бэкхен почувствовал себя не единственным в себе.

Возрождение, *Renaissance* – совпадение ли, что на выставки того времени произведений они сталкиваются снова и решают впредь умножать приятные встречи, создавая договоренности?

Что Бэкхен, смотря на Чанеля, чувствует, будто с него слезает невидимый слой кожи, и без него легче?

– Они действуют эффективней, чем гипноз, – сказал Чанель, окидывая взглядом стены, покрытые темными полотнами в массивных рамах, – какой смысл было брать мой номер и не звонить?

Бэкхен пожал плечами.

– Не знал, с чего начать разговор.

– Например, с предложения отдать запись лекции, – брюнет отошел к вазе с опухавшим и прищурившимся, глядя на Бэкхена – тот не двинулся с места, изобразив на лице вопрос. – Сотню раз я жалею, что не взял фотоаппарат.

– Для красивых картин?

– Для тебя на их фоне, – объяснил Чанель, застегивая черные пуговицы на воротнике кофты. Бэкхен нахмурил брови, ощутив на плечах несуществующий груз и взоры воображимых глаз со стен.

– Я не лучший позерщик, – сказал он.

– А я худший фотограф, – ответил брюнет, разведя ладони. – В этом и суть.

Они покидали выставочных зал под бормотанье Чанеля, читавшего стихи Алигьери, отчего-то уж очень печальные:

«Сердечных дум не разорвать кольца,

И вздохи, очи в жертву предназнача,

Виной тому, что, взор упорно пряча,

Не поднимаю ни к кому лица.

Глаза готовы плакать без конца,

Как будто только в этом их задача...»

Им обоим тесно в целых своих мирах, а рядом друг с другом становится дышать легче; знакомые чувства продолжают вскипать у Бэкхена внутри, когда Чанель попадает в цели стрелами настроений.

Отбивает его у ночи, позвав на засыпанный двор к полуночи.

Брюнет лежал в уже кривом и глубоком снежном ангеле с гитарой и играл Леннона, из зубов торчала настоящая забытая трубка, а глаза широко распахнуты, несмотря на снегопад.

– Это красиво, но так глупо, – покачал головой Бэкхен, встав у его локтей.

– Звучит, как что-то вечное, – ухмыльнулся, насколько возможно, Чанель, – я рассматривал созвездия.

Старший тогда присел рядом и вытащил из губ исторический атрибут.

– Отцовская реликвия из коллекции, – пояснил Чанель, ударившись в чисто-слышимый фальшь на аккордах, – над которой он трясется, точно жрец над иконой. Знаешь, ему прошлое дороже настоящего.

– Звучит, как что-то преувеличенное, – Бэкхен слышит, что дрожат здесь не только струны.

– Я бы описал его жизнь как «в пол-оборота». Постоянно смотрит назад. О чем-то жалеет. По чему-то скучает. По маме тоже. А «сейчас» его не волнует.

Бэкхен не спорит, во-первых, потому что это секрет долголетия, во-вторых, потому что бессмысленно: Чанель уже слишком взрослый, чтобы делать выводы из поступков других. И не менять мнения из-за посторонних.

Так что он только рушит очертания ангела своей спиной, ложась рядом.

– Может, поэтому я, в свою очередь, заиклен на «сейчас», – уже шепчет Чанель, когда гитара и вовсе стихает, а песня доигрывает уже в их головах чистой, мелодичной акустикой.

Их пальто слишком тонки для долгой красоты-глупости, так что вскоре парни скрываются за дверь бистро.

Бэкхен слабо соотносил события той ночи во временную последовательность, мог лишь описать, какой степени яркости было солнце в черных зрачках. Они замерзли? Губы дважды или трижды жег кофеин, а с рук наутро сыпалась шелуха. Но в воздухе продолжала кружиться зима, а в мыслях строки:

«Imagine all the people
Loving for today...»

/

В молчавшем ранее воздухе резкая пощечина слишком громка и скандальна: девушка возмущенно бьет Чанеля по правой щеке, после чего удаляется вдоль улицы.

Бэкхен стоит у столба в стороне, наблюдая за сценой из темноты и подходит к юноше не сразу – дает парню сделать вдох-выдох.

– Вряд ли стоит на что-то еще рассчитывать, – оценивает Бэкхен, не оборачиваясь за звуками каблучков по асфальту.

Чанель смотрит в сторону, не злясь, но глубоко дыша.

– Она мне нравится, но я не люблю её, – произнес он как слова, уже кем-то когда-то сказанные.

– А она тебя любит – ты это хочешь сказать? – спрашивает Бэкхен, про себя опуская девицу в своих глазах.

Глупая. Возможность быть значимой, может, не страстью, может, не миром, но какой-то частью его искривленной души – разве это не много? Разве этим нельзя довольствоваться? Если б сердечные места можно было разменивать...

– Ты не читал русских поэтов? – спрашивает Чанель, вернув взгляд, наконец-то, на собеседника. Тот потряс головой.

– Я слышал, они все смертники, – говорит Бэкхен.

– У них любовь несчастна, жизнь трудна, смерть легка, а значит, – с кудрей слетело пара белых хлопьев, – они как никто понимали происходящее.

Бэкхен в это время пристально рассматривал покрасневшую щеку.

– Удар больше похож на поцелуй, – вслух отмечает он наблюдения, после чего задает вопрос «х», – ты проведешь ночь с её автоответчиком?

– Я рассчитывал провести её с тобой, – ответ «у» пересекает вертикалью все возможные и устремляется вверх, на тысячи и тысячи удивлений Бэкхена.

Который не подает виду, как бы ожидая этот исход. Чанель не уточняет, лишь спрашивает:

– У меня в квартире сейчас инсталляция «два года назад или разрушенное детство». Хочешь взглянуть?

Бэкхен хочет всё.

Это в сказанное не входит и никогда, возможно, не войдет; взгляд всё в себя вбирает. И расстояние, которого нет, между их плечами, когда Чанель молча приглашает его в свой подъезд.

Время столь позднее, что свет лифтовой лампы едва ли дотягивает до сорока люксов, и в нем до того комфортно; у Чанеля из наушников на шее еще играет «counting stars».

А в его коридоре на полу разлилась луна и смешалась с водой из-под разбившейся вазы. В паркет вдавлены лица кресел и задыхается на спине софа у дальней стены. Картины из последних сил хватаются за стены одними углами, а люстра, как неудавшейся висельник, ничком упала к стулу.

Бэкхен прикасается к ледяному Чанелю, который смотрит на своё разрушающее искусство.

– Я еще думал назвать это «когда она уходила», – произнес он ровным голосом с сухими глазами и прямой осанкой, но изнемогающей душой, – не знаю, почему люди порой скучают по ужасному прошло

– Ты видишься с ней? – спрашивает Бэкхен, не отпуская даже уже согретую ладонь.

– Да, где-то между пятью и шестью, чаще по вторникам и четвергам – в кошмарах – отвечает брюнет, пододвигая на столе надорванный снимок себя шестилетнего (?) с полноценной семьей, – а еще в стопке зеленых купюр раз в месяц на своей тумбочке.

– Почему в кошмарах? – Бэкхен не заметил, что снизился почти до шепота и поднялся почти до чанелиной щеки.

Брюнет вздыхает вздохом Атласа и окидывает жестом гостиную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.